

Анна Родионова
НИУ Высшая школа экономики (Москва)
Школа филологических наук
annaodionova@gmail.com

Anna Rodionova
HSE University (Moscow)
School of Philological Studies
annaodionova@gmail.com

«ФОТОЛУГ, ФОТОЛЕС, ФОТОЛЕТО».
ТЕХНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ
МИХАИЛА ЕРЁМИНА

“PHOTOMEADOW, PHOTOFOREST, PHOTOSUMMER”.
MIKHAIL EREMIN’S TECHNO-ECOLOGICAL MINIATURES

В статье анализируются стихотворения Михаила Ерёмина, написанные в 1960–1970-х гг. Михаил Ерёмин — влиятельнейший ленинградский неподцензурный поэт, один из представителей «филологической школы». Автор рассматривает его способы работы с техническими и природными мотивами, выраженными через использование научной терминологии, создание специфических риторических фигур и неологизмов. На основе этого анализа делается вывод о том, как в поэзии Ерёмина проявились следы взаимодействия неподцензурной и официальной советской культуры того исторического периода (60–70-е гг. XX в.), который был отмечен множественными социальными и эстетическими сдвигами и для которого была важна официальная идеология «научно-технического прогресса». Кроме того, в статье говорится о том, какое значение тексты Ерёмина имеют с точки зрения развития современной поэзии и теории.

Ключевые слова: самиздат, неподцензурная литература, неподцензурная поэзия, Михаил Ерёмин, филологическая школа, научно-технический прогресс, техническое воображение, экопоэтика.

The main subject of this paper is Mikhail Eremin’s poetry written in the 1960–1970s. Eremin was a very influential author and a member of the Filologicheskaya shkola (Philological School), Russian-language unofficial poetry group based in Leningrad. The author of the article analyzes the role of technical and natural motifs, scientific terminology, rhetorical figures and neologisms in Eremin’s poetics. Based on this analysis, the paper shows how Eremin’s poetry represented traces of interaction between the unofficial and the official soviet cultural strata in that historical period (1960–1970s), which was marked by multiple

social and aesthetic shifts and for which the official ideology of “scientific and technological progress” was significant. Special attention is given to the importance of Eremin’s texts for contemporary Russian-language poetry in the context of new theory.

Key words: samizdat, unofficial soviet literature, unofficial poetry, Mikhail Eremin, Filologicheskaja shkola, Philological School, scientific and technological progress, technical imagination, ecopoetics.

Средовой и техносочальный контекст поэзии Ерёмин

Михаил Ерёмин — ленинградский поэт, относящийся к «филологической школе»¹, объединению неофициальных авторов (Савицкий 2002: 29) второй половины XX века. Их связывала принадлежность к сообществу вокруг филологического факультета Ленинградского университета и отказ от компромиссов с официальной советской публикационной политикой: в основном их поэзию можно было увидеть в самиздате и рукописях. Все авторы этого круга — Михаил Красильников, Юрий Михайлов, Сергей Кулле, Леонид Виноградов, Владимир Уфлянд, Александр Кондратов, Лев Лосев и герой этой статьи — были мало похожи друг на друга по своей поэтике.

Михаил Ерёмин выделялся среди своих товарищей и коллег герметичностью текстов, их твёрдой формой (его стихи представляют собой восьмистишия), вниманием к внутренней форме слова, а кроме того — удивительной целостностью поэтического проекта (все его книги принципиально названы одинаково — «Стихотворения»). Его отличала склонность к радикальному стиливому смещению, сочетанию современных реалий и новейшей терминологии с мифологическими образами, диалектизмами и архаизмами. Этот способ работы со словом повлиял сразу на целый пласт новейшей русскоязычной поэзии XXI века. Осенью 2022 года, незадолго после начала работы над этой статьёй, Михаил Ерёмин, к большому сожалению, ушёл из жизни².

Об этом поэте писали многие: статьи и рецензии посвящались лексическому разнообразию и метафоричности его текстов, интертекстуальным связям, проблеме исторического времени и многому другому³. Однако в рамках этой статьи я хочу сосредоточиться на том, как в текстах поэта

¹ «Филологическая школа». *Антология новейшей русской поэзии «У Голубой Лагуны»*. Т. 1. / Сост. К. Кузьминский, Г. Ковалев. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1980: 139–256.;

Айзенберг Михаил. «Литература за одним столом. О поэтах филологической школы». *Новая камера хранения*, 2008. <http://www.litkarta.ru/dossier/aizenberg-o-filologicheskoi-shkole/dossier_940>

«Филологическая школа»: *Тексты. Воспоминания. Библиография*. Сост.: В. Куллэ, В. Уфлянд. Москва: Летний сад, 2006.

² См. материал, посвященный памяти Михаила Ерёмин <<http://kultinfo.ru/novosti/3416/>>

³ Суховой Дарья. «Седьмая книга восьмь стихов». *Новое литературное обозрение* 108 (2011). <<https://magazines.gorky.media/nlo/2011/2/sedmaya-kniga-vosmyh-stihov.html>>

проявлены мотивы, связанные с *техническим воображением* (Родионова 2022: 255) и *одомашниванием мотивов научно-технического прогресса (НТП)* в поэтической работе.

С одной стороны, выбор темы обусловлен крайне заметным присутствием в практике Ерёмина научно-технической терминологии. При этом о ее роли исследователи и рецензенты в основном упоминают вскользь. Кроме того, техника и технология — важнейшие понятия для культуры XX века как таковой, на это указывает хотя бы количество подходов к осмыслению этих явлений в философии, социологии и антропологии, не говоря уже о других дисциплинах. Технические изобретения создают техносферу, часть окружающей нас среды, и определенным образом оформляют человеческую перцепцию, о чем писали многие теоретики техники и медиа (Маклюэн 2003). Поэзия, работающая с восприятием (как читательским, так и авторским) не может быть нечувствительна к таким эффектам техники (Самостиенко 2021: [http](http://)).

Примерно в 1950-е — 1960-е гг., когда Михаил Ерёмин формирует свой авторский стиль, один значительный этап в мировом развитии техники — индустриальный — постепенно начинает уступать другому — информационному. Развивается кибернетика и медиатеория. Возможно, поэтому в текстах Ерёмина, композиционно избирательных и лексически разнообразных, ведущих диалог с мировой традицией, научные и технические термины оказываются использованы очень специфично, как бы совмещая два доминирующих культурных представления о технике.

Конечно, техника имела особое значение и для СССР. С самого своего основания советский проект особое внимание уделял идее индустриального труда. Это отражалось в поэзии: стоит вспомнить группы 1920-х гг., например ЛЕФ, Пролеткульт, ЛЦК (Литературный цех конструктивистов), которые напрямую тематизировали и теоретизировали свою поэзию, обращаясь к заводским, производственным реалиям. Послевоенная ситуация отличалась так называемым периодом Великих строек, которые снова сделали культурно актуальными идеи индустриального производства и строительства. Кроме того, в 1950-е — 1970-е гг. в СССР происходит

Житенев Александр. «Михаил Еремин: Поэтика словаря». *Новое литературное обозрение* 113 (2012). <https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/113_nlo_1_2012/article/18515/>

Кукулин Илья. «Подрывной эпос: Эзра Паунд и Михаил Еремин». *Иностранная литература* 12 (2013). <<https://magazines.gorky.media/inostran/2013/12/podryvnoj-epos-ezra-paund-i-mihail-eremin.html>>

Валиева Юлия. «Что видится прекрасным? Звездный свод?..». *Новое литературное обозрение* 124 (2013). <<https://magazines.gorky.media/nlo/2013/6/что-видится-прекрасным-zvyozdnyj-svod.html>>

Давыдов Данила. «В трех плоскостях запущенных качелей... Метафора как способ познания в поэзии Михаила Еремина». *Новая газета*, 2023. <https://www.ng.ru/ng_exlibris/2023-06-28/13_1180_eremin.html>

Гулин Игорь. «Всё тайное становится одой». *Коммерсантъ*, 2023. <<https://www.kommersant.ru/doc/4897702>>

постепенное принятие (не без трений), а затем интенсивное развитие кибернетической науки⁴ (Пруденко 2018: 14). В культуре этот же период был отмечен «спором физиков и лириков» — дискуссией о поиске баланса между научно-техническим знанием и гуманитарной сферой, завязавшейся на страницах советских журналов.

С официальной культурой СССР вынуждена была пребывать в контакте неофициальная. Иногда эти контакты были осознанными (Савицкий 2002: 43, 50), иногда довольно призрачными, укладывающимися в концепцию «внеаходимости» (Юрчак 2014: 225). Я полагаю, что из-за перечисленных выше особенностей, анализ технических мотивов позволяет лучше понять внутренние, не только институциональные, но и *эстетические связи* между неподцензурным и официальным контекстами, отношения между которыми намного сложнее, чем просто индифферентность друг к другу или противостояние.

Существование в одном историческом периоде с разнообразными знаками идеологии НТП оставило след в поэтике разных представителей неофициальных литературных групп. Например, в одно время с Ерёминым пишут такие авторы, как Генрих Сапгир и Игорь Холин — представители неподцензурной «Лианозовской школы»⁵, в чьем творчестве проблематика НТП осмысливается намного более натуралистически и экзистенциально, чем это было возможно в рамках советской печати.

В стихах же самого Михаила Ерёмина техническое воображение проявлено прежде всего через работу с *терминами* и специфическую *организацию текста*. В отличие от представителей исторического авангарда (на сближение с которыми указывали многие критики и исследователи), у Ерёмина отсутствует «предубеждение перед термином» (Житенев 2012: http). Это представляется мне важным, поскольку авторы исторического авангарда, особенно В. Хлебников, были очень значимы для Ерёмина и как для автора «филологической школы»⁶, и как для мыслителя (Гулин 2021: http). В поэзии Хлебникова, активно «заимствовавшей термины из физики, геометрии, математики, ботаники, геологии, физиологии» (Айзенберг 1997: 67), «любовь к редкому слову опосредовалась представлением о том, что “словарь — собрание игрушек”, “тряпочек звука”, уступающих в значимости слову сотворенному, “заумному”» (Житенев 2012: http). У Ерёмина же термины соседствуют с неологизмами и другими словами на равных основаниях.

В связи с этим возникают несколько вопросов, которых я собираюсь коснуться в статье:

⁴ Один из популяризаторов которой — Александр Кондратов, тоже поэт «Филологической школы».

⁵ См. «Лианозовская школа»: между барачной поэзией и русским конкретизмом». Под ред. Г. Зыковой, В. Кулакова, М. Павловца. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

⁶ См.: Интервью с Михаилом Ерёминым. *Независимая газета*, 2023. <https://www.ng.ru/ng_exlibris/2023-01-25/10_1161_eremin.html> (дата обращения 03.05.2023)

1) *О перцептивном значении терминов.* Уже были написаны подробные статьи об их герменевтической роли, но интерес представляет и непосредственное рассмотрение, следующее тем графико-фонетическим эффектам, которые создаются этими словами.

2) *Какая модель отношений со средой за этим стоит.* Это закономерный вопрос, учитывая интерес Ерёмина к природным топосам — как в традиционном смысле, так и в современном, при котором природа понимается нецелостной, смешанной с техническими и культурными артефактами. В свете современных экопоэтических теорий, исследующих связи между окружающей средой и поэтическим письмом, и влияния Ерёмина на некоторых современных авторов, для которых проблема соотношения текста и среды/пространства имеет принципиальное значение — например, для Н. Сафонова, Е. Суловой (Энциклопедия андеграундной поэзии 2017: [http](http://)), Г. Рымбу, отчасти Д. Ларионова — этот вопрос может быть особенно интересным, так как позволяет увидеть тексты Ерёмина в более широком контексте — как эстетическом, так и историко-литературном.

3) *Что в этом случае поэтика Ерёмина говорит о своей эпохе и напряженной динамике отношений между неподцензурной и официальной литературными стратами,* если техническое воображение может быть рассмотрено как своего рода лакмусовая бумажка для проблематизации их пересечения.

«Самовитый» термин

В поэзии Ерёмина сочетаются разные группы лексики: естественно-научные, научно-технические термины, архаизмы, диалектизмы. Особенно интересным в его практике кажется соположение терминов и неологизмов, причем многие из последних возникают именно на базе терминов, например: ТермоЯр (Ерёмин 2002: 12) (авторское сокращение для термоядерного реактора), теоскоп (Ерёмин 2005: 9) (контаминация «телескопа» и греческого θεός «Бог»), аэроплечо (Ерёмин 1998: 11), биохрам (Ерёмин 2002: 6) и другие.

Лексическое значение отдельных терминов (так же, как и неологизмов или иноязычных слов) не всегда может быть понято непосредственно, без обращения к словарю⁷ — что принципиально для метода Ерёмина и отличает практически каждый его текст, кроме самых ранних. Это создает определенные трудности для доступа к метапрагматическому плану текста (Чернявская 2020: 143). В таком случае читатель или читательница поэзии Ерёмина остается (по крайней мере, на какое время — пока не уточнит значение неясного слова) один на один с контекстом, а кроме него — с графикой и фонетикой термина, его синтаксической ролью, пространственным положением на странице и другими материальными параметрами текста.

⁷ Об этом, как о ключевой особенности Ерёмина, писал еще Михаил Айзенберг (Айзенберг 1997: [http](http://)).

Однако это уже немало: Ерёмин пишет во второй половине XX века, когда проблема референции так или иначе уже была поставлена в предыдущей литературной эпохе. Ерёмин, как и другие участники «филологической школы», знал это, имея возможность познакомиться с текстами футуристов и обэриутов⁸. Исходя из этого, можно предположить, что и чисто материальное, звуковое, графическое, пространственное измерение слова имеет самостоятельное значение в его поэтике.

Сам Ерёмин в одном из интервью упоминал, насколько значим для него невербальный уровень: ритм и визуальные образ стиха, его пространственное расположение на странице⁹. Учитывая вышесказанное и склонность поэта к алеаторическому фонетическому сближению (Валиева 2013: [http](http://)), можно говорить, что функция терминов (в т.ч. научно-технических) здесь не только интердискурсивная (призванная дать ссылку на некий внешний поэтическому дискурсу) (Чернявская 2009) или номинативная: принцип «двойной семантизации» (Житенев 2012: [http](http://)) указывает на невозможность ограничить термин таким употреблением.

Двухэтажное распустье. (Бес — бродягой под мостом?)
 Линзой — очаг вне стен — руины храма.
 Льстясь, что есть свобода кроме татя, мага и царя,
 Видеть, что ведомы в-за леса скелеты
 ЛЭП. (Далёко ль омут и комольи ли
 Весопляс высоковольтный?) Гос-
 Гость или hostia? — поди —
 Potis и отец!

(Ерёмин 2005: 11)

В этом тексте, вполне поддающемся дешифровке, термины оказываются связаны с другими словами в основном через фонетическое сближение («льстясь ... скелеты ЛЭП», «весопляс высоковольтный»), а введение неологизмов и латинских слов только дополнительно затрудняет прямое понимание, заставляя обращаться к контексту и визуальному/звуковому плану.

Речь идет о *перцептивной функции термина*. В этом случае с термина снимается противопоставление словотворчеству. Ерёмин с помощью своего отношения к терминам сближает две отчасти противоположные линии футуризма — условно «техницистскую» (таких авторов, как В. Маяковский, А. Крученых, Д. Бурлюк и др.) и «органицистскую» (В. Хлебников, Е. Гуро, В. Каменский). Термин становится осязаемым, конкретным.

⁸ «У каждого из них мне нравится что-то свое, что-то у Хармса, что-то у Введенского. Вся “филологическая школа” началась с футуризма. Маяковский, Хлебников, затмивший Маяковского, Пастернак...» См. Михаил Еремин: «Мне тяжело оттого, что я действительно остался один». Интервью Дарье Суховой. Colta.ru <<https://www.colta.ru/articles/literature/1689-mihail-eremin-mne-tyazhelo-ottogo-chto-ya-deystvitelno-ostalsya-odin>> (01.02.2023)

⁹ См. там же.

Он не только имеет лексическое значение, но и обеспечивает читателям определенное ощущение от текста, обусловленное его ритмической материальностью (здесь я имею в виду и ритм, выраженный в звуке, и визуальный ритм).

Это подчеркивается еще и проблемой перевода, которая заметна в поэзии Ерёмкина. Он зарабатывал на жизнь, переводя иноязычных поэтов, и отчасти это повлияло на его стратегию письма. Сам он делился в интервью¹⁰, что переводческая деятельность была полезна в первую очередь для его поэтической практики. Тем не менее, перевод, о котором я говорю, это перевод не только между разными языками, но и между «опытом и языком» (Sandler 2017: 396). То есть между тем, что может быть получено только в конкретной среде, и тем, что позволяет в этой среде ориентироваться и передавать впечатления о ней дальше.

«Какое слово не во благо консументам?»

В какие риторические отношения такой термин оказывается включен? Вообще значимость риторических фигур, в которые помещается метафора у Ерёмкина, уже отмечали И. Кукулин и Ю. Валиева: «Многие из его стихотворений построены как одно длинное предложение, разбитое “изнутри” разнообразными дополнениями и комментариями» (Кукулин 2013: http), а некоторые «стихотворения прочитываются как ответ незримо присутствующему оппоненту» (Валиева 2013: http).

Диалог с одической традицией тоже объясняет риторичность — или квазириторичность (Гулин 2021: http) — текстов автора. Действительно, сказать, что эта риторика выполняет свою традиционную функцию, то есть к чему-то побуждает, трудно, поскольку она предельно «интровертна» (Кукулин: http). Уточняющие и дополняющие конструкции как бы заворачиваются в предложение, скрываются в нем:

У ней особенная статья...

Ф.И. Тютчев

Лихву в процентах — выгодность
Коллатеральных связей между
Мотонейронами — прикинув или вычислив,
Что знания ничтожней знания,
Освоить
Бег — цвѣта гладких мышц — на месте и —
Поличное смирение — профессией считать
И палача и жертву.

(Ерёмкин 1998: 39)

¹⁰ См. Интервью с Михаилом Ерёмкиным. *Независимая газета*, 2023. <https://www.ng.ru/ng_exlibris/2023-01-25/10_1161_eremin.html> (дата обращения 03.05.2023)

В приведенном тексте несколько вставных конструкций, выделенных тире и скобками, разбивают одно предложение, в котором принципиально не назван субъект действия. Создается фигура с пустым центром. Принято говорить об отсутствии лирического я в текстах Ерёмина, но то, что здесь заменяет его, возможно, как раз находится в этом центре. Центр может быть рассмотрен как *место контакта репрезентанта субъекта стихотворного текста* (чаще всего выраженного инфинитивом или деепричастием) *и среды*. Среда в широком смысле — иногда ей становится место вполне традиционно «культурное», а не «природное». Так происходит, например, в ерёминских текстах-экфрасисах, отталкивающихся от опыта созерцания произведений искусства.

Риторические фигуры здесь выступают репрезентантом лирического я, проявлением его перцепции, которая отчасти зависима от среды. Это резонирует с современными неоматериалистическими и экопоэтическими подходами к анализу текста. «Риторика — это практика по созданию взаимодействий внутри среды, с помощью которой тела получают информацию»¹¹ (Boyle 2018: 7). В этом случае связь между риторическими фигурами и средой оказывается обусловлена перцептивно. Здесь будет уместно упомянуть теорию когнитивной экопоэтики, которая говорит о том, как поэтический *текст конституируется средой в акте перцепции*: «Поэзия как жанр — это, по сути, поэзия как жест, разворачивающийся в среде — отзывающийся на стимулы, исходящие из этой среды, и одновременно размечающий ее своим движением»¹² (Lattig 2020: 37).

Так у Ерёмина связь со средой вырастает из микроразрыва, восходящего к гибридизации двух традиций в изображении природы, — Ломоносова (основанное на научных представлениях о мироустройстве, но в то же время — метафизическое) и Державина (наивное и конкретное, больше завязанное на *впечатлении*, чем на *знании* об устройстве увиденного).

Однако было бы ошибкой видеть в Ерёмине поэта только природного, так же, как и сугубо научного, мистического, религиозного или приверженного «мировой культуре». Способность Ерёмина — видеть сразу два плана — природный и культурный, органическую морфологию артефакта и схематичность живого существа. Его с некоторыми оговорками можно рассматривать как предшественника неприродной экопоэтики (unnatural esopoetics) (Nolan 2017). Смещение природного и культурного в пространстве текста, местами — снятие противоречий между ними, местами — наоборот подчеркивание семантического разрыва с помощью метапоэтических элементов позволяют Ерёмину инновационно работать с поэтической формой, осмысляя, с одной стороны, разрыв между текстом и реальностью, а с другой стороны — само текстовое пространство, делая его предельно осязаемым, но при этом семантически насыщенным.

¹¹ Перевод иноязычных цитат мой, если не указано иного. — *А.Р.*

¹² Перевод Андрея Логотова. Подробнее см.: Логотов Андрей. «Когнитивная экология лирики». *Новое литературное обозрение* 169 (2021): 369–374.

Советское и неофициальное в герметичной упаковке

Что такой способ обращения с термином (в т. ч. научно-техническим) и риторикой говорит о времени, в которое формировался и писал Ерёмин? Что это говорит о связи неподцензурного и официального контекстов?

Михаил Ерёмин как представитель неподцензурной литературной страты, не подчиняясь цензурным ограничениям советской печати, был в некотором смысле независим в том, как оперировать концептами, связанными с техникой и природой. Поэтому в его работе заметны как специфические черты, характерные для неофициальной культуры, так и общекультурные тенденции второй половины XX века.

Например, в способе включения специальной терминологии в текст видится не только след авторской инновации, но и выражение эстетических и эпистемологических смещений. Необходимость обязательной референциальной конкретности, закрепляемая за термином как за репрезентантом научной рациональности в Новое время, на заре информационной эпохи оказывается ослаблена. Это связано с тем, что сами знаковые отношения постепенно начинают меняться, а соотношения между разными дискурсами приобретают более подвижный, игровой характер¹³. Происходящие изменения позволяют видеть термин не только как часть определенной области знания, но и как «слово как таковое», но уже не в авангардистском значении.

Кроме того, техническое воображение в поэзии Ерёмина становится способом создать картину пересечений двух планов реальности — органического и технического, природного и культурного, материального и «духовного».

В этой связи интересно, как естественнонаучные и технические термины оказываются непротиворечиво вписаны в авторскую религиозную метафизику. В этом тоже отражалась двойственность слоев официальной и неофициальной культуры 1960-х гг., когда антирелигиозная кампания, проходившая под знаменами *научного* атеизма, реализовывалась на фоне значительного религиозного подъема среди населения (Смолкин 2021: 87). Достижения в области науки и техники (например, полет человека в космос) оказывались присвоены атеистической пропагандой, но при этом самими верующими могли трактоваться очень по-разному: и как подтверждение правильности атеистического мировоззрения, и как доказательство существования Бога (Там же: 141).

Воздвигнутый в честь сотворенья вселенной
Аккумулятор воли растенья

¹³ Здесь будет уместно вспомнить игровой характер отдельных «хэппенингов», которые устраивали участники «филологической школы», в том числе Михаил Ерёмин, а кроме того — иронические, игровые стихи других ее представителей.

Хранит в тайниках древесины
 Нуклеин дохристовых распятий.
 Полон святости нерукотворной
 Биохрам от корней до купола.

Тих и светел в белой колыбели,
 Внемли дереву Бога, ребенок.

(Ерёмин 2002: 6)

В приведенном выше тексте описание растения через технические метафоры («Аккумулятор воли растения») и специальная терминология («нуклеин») соседствуют с религиозными мотивами («дохристовые распятия», «нерукотворная святость», «дерево Бога»). Контаминация естественно-научных и метафизических мотивов (в этом тексте она как бы завязана в узел в неологизме «биохрам») является одним из симптомов того, что во второй половине XX века неподцензурный контекст находился в более сложных отношениях с официальным, чем это можно представить, опираясь исключительно на общее представление об их оппозиции. «Не веря в Бога, разуверившись в коммунизме, советский человек перенес свою веру и любовь на науку» (Померанцев 1965: 140). Если в официальной культуре, возможно, действительно имел место прямой перенос с замещением (хотя и это можно уточнить, если углубиться в исследования внутренних связей религиозной феноменологии и советского «научного атеизма»), то в культуре неподцензурной эти планы еще более очевидным образом переплетались.

Подробный анализ того, как на стилистическом уровне сочетаются разные группы лексики, создающие эффект смешения религиозного и научно-технического дискурсов (например церковнославянизмы и авторские неологизмы, относящиеся к технической тематике), предложен в статье Марии Хотимской (Khotimsky 2008: 96). Будучи одновременно и материалом для стилистического контраста, и способом отослать к метафизическому плану, эти слова в поэзии Ерёмина сохраняли в себе функцию «самовитого» термина, объединяясь с техническими и научными понятиями.

Кроме того, особенности технического воображения в поэзии Ерёмина резонируют с тем, что техника в советской культуре 1960-х — 1970-х гг. существовала двойственно: с одной стороны, ее возвышенное было присвоено официальной идеологией и провластной (или компромиссной) литературой. С другой стороны — техносфера была частью повседневности, общей природокультурной (Харауэй 2020) среды, в которой существовали люди.

Идеологическая нагрузка мотивов, связанных с наукой и техникой, у Ерёмина снимается в пользу коллажирования и *реставрации* взаимосвязей в реальности, когда новое нужно для того, чтобы с ещё большей конкретностью и емкостью говорить об универсальном, неизменном и вневременном. Кроме того, скрещивание контрастных понятий и стилевых

маркеров, создающих уникальную перцептивно-риторическую систему, создает прецедент для расширения работы технического воображения в более поздней поэзии.

ЛИТЕРАТУРА

- Айзенберг Михаил. «Литература за одним столом». *Литературное обозрение* 5 (1997). <http://www.litkarta.ru/dossier/aizenberg-o-filologicheskoi-shkole/dossier_940> (12.06.23)
- Валиева Юлия. «Что видится прекрасным? Звездный свод?..» *Новое литературное обозрение* 124 (2013). <<https://magazines.gorky.media/nlo/2013/6/chto-viditsya-prekrasnym-zvyozdnyj-svod.html>> (12.06.23)
- Гулин Игорь. «Всё тайное становится одой». *Коммерсантъ*. 2021. <<https://www.kommersant.ru/doc/4897702>> (12.06.23)
- Ерёмин Михаил. *Стихотворения*. 1957–1998. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 1998.
- Ерёмин Михаил. *Стихотворения*. Книга 2. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 2002.
- Ерёмин Михаил. *Стихотворения*. Книга 3. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 2005.
- Житенев Александр. «Михаил Еремин: Поэтика словаря». *Новое литературное обозрение*, 2012.
- Кукулин И. «Подрывной эпос: Эзра Паунд и Михаил Еремин». *Иностранная литература* 12 (2013). <<https://magazines.gorky.media/inostran/2013/12/podryvnoj-epos-ezra-raund-i-mihail-eremin.html>>
- Кукулин Илья. [Чем замечателен] <<http://www.litkarta.ru/studio/orientir/eremin/>>
- Маклюэн Маршалл. *Понимание Медиа: Внешние расширения человека*. Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. Москва: Жуковский — «КАНОН-пресс-Ц» — «Кучково поле», 2003.
- Померанцев К. «Во что верит советская молодежь?» *Новый журнал* 78 (1965): 140–145.
- Пруденко Янина. *Кибернетика в гуманитарных науках и искусстве в СССР. Анализ больших баз данных и компьютерное творчество*. Москва: Музей современного искусства «Гараж», 2018.
- Родионова Анна. «У нас не автоматическая станция»: фильтры технического воображения в поэзии Генриха Сапгира и Игоря Холина. *Новое литературное обозрение* 176 (2022): 254–269.
- Савицкий Станислав. *Андеграунд. История и мифы ленинградской неофициальной литературы*. Москва: Новое литературное обозрение, 2002.
- Самостиенко (Суслова) Евгения. «Внутренние интерфейсы языка: письмо как когнитивная технология». *Новое литературное обозрение* 167 (2021). <https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/167_nlo_1_2021/article/23153/>
- Смолкин Виктория. *Свято место пусто не бывает. История советского атеизма*. Москва: Новое литературное обозрение, 2021.
- «Филологическая школа». *Антология новейшей русской поэзии «У Голубой Лагуны»*. Т. 1. Сост. К. Кузьминский, Г. Ковалев. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1980: 139–256.
- Харауэй Донна. *Оставаясь со смутой. Заводить сородичей в Хтулуцене*. Пермь: Hyle Press, 2020.
- Хлебников Велимир. «Наша основа». *Хлебников В. Творения*. Москва: Советский писатель, 1987.
- Чернявская Валерия. *Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность*. Учебное пособие. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
- Энциклопедия андеграундной поэзии*. Сост. Ларионов Д., Корчагин К. Арзамас, 2017. <<https://arzamas.academy/materials/1243>>

- Юрчак Алексей. *Это было навсегда, пока не кончилось*. Москва: Новое литературное обозрение, 2014.
- Boyle Casey. *Rhetoric As A Posthuman Practice*. Ohio State University Press, 2018.
- Khotimsky Maria. "Rethinking the High Style: The Uses of Church Slavonicisms in the Works of Contemporary Russian Poets". *Ulbundus Review* 11 (2008): 74–98.
- Lattig Sharon. *Cognitive Ecopoetics: A New Theory of Lyric*. L.; N.Y.: Bloomsbury Academic, 2020.
- Nolan Sarah. *Unnatural Ecopoetics: Unlikely Spaces in Contemporary Poetry*. University of Nevada Press, 2017.
- Sandler Stephanie. «Creating the Canon of the Present». *Twentieth-Century Russian Poetry: Reinventing the Canon*, ed. by Katharine Hodgson et al., 1st ed., Open Book Publishers, 2017: 393–424.

REFERENCES

- Ayzenberg Mihail. "Literatura za odnim stolom". *Literaturnoe obozrenie* 5 (1997). <http://www.litkarta.ru/dossier/aizenberg-o-filologicheskoi-shkole/dossier_940> (12.06.23)
- Boyle Casey. *Rhetoric As A Posthuman Practice*. Ohio State University Press, 2018.
- CHernyavskaya Valeriya. *Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'*. Uchebnoe posobie. Moskva: Knizhnyy dom "LIBROKOM", 2009.
- Entsiklopediya andegraundnoy poezii*. Ed. by Larionov D., Korchagin K. Arzamas, 2017. <<https://arzamas.academy/materials/1243>> (12.06.23)
- Eremin Mihail. *Stihotvoreniya*. 1957–1998. Sankt-Peterburg: Pushkinsky fond, 1998.
- Eremin Mihail. *Stihotvoreniya*. Kniga 2. Sankt-Peterburg: Pushkinsky fond, 2002.
- Eremin Mihail. *Stihotvoreniya*. Kniga 3. Sankt-Peterburg: Pushkinsky fond, 2005.
- «Filologicheskaya shkola». *Antologiya noveyshey russkoy poezii «U Goluboy Laguny»*. T. 1. Ed. K. Kuz'minskiy, G. Kovalev. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1980: 139–256.
- Gulin Igor. "Vse taynoe stanovitsya oday". *Kommersant*. 2021. <<https://www.kommersant.ru/doc/4897702>> (12.06.23)
- Haraway Donna. *Ostavayas' so smutoy. Zavodit' sorodichey v Htulutsene*. Perm': Hyle Press, 2020.
- Hlebnikov Velimir. "Nasha osnova". *Hlebnikov V. Tvoreniya*. Moskva: Sovetskiy pisatel', 1987.
- Khotimsky Maria. "Rethinking the High Style: The Uses of Church Slavonicisms in the Works of Contemporary Russian Poets". *Ulbundus Review* 11 (2008): 74–98.
- Kukulin I. "Podryvnoy epos: Ezra Paund i Mihail Eremin". *Inostrannaya literatura*, 2013, № 12. <<https://magazines.gorky.media/inostran/2013/12/podryvnoj-epos-ezra-paund-i-mihail-eremin.html>>
- Kukulin II'ya. [*CHem zamechatelen*] <<http://www.litkarta.ru/studio/orientir/eremin/>> (12.06.23)
- Lattig Sharon. *Cognitive Ecopoetics: A New Theory of Lyric*. New York: Bloomsbury Academic, 2020.
- McLuhan Marshall. *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka*. Transl. V. Nikolaeva; afterw. M. Vavilov. Moskva: Zhukovskiy - "KANON-press-TS" - "Kuchkovo pole", 2003.
- Nolan Sarah. *Unnatural Ecopoetics: Unlikely Spaces in Contemporary Poetry*. University of Nevada Press, 2017.
- Pomerantsev K. "Vo chto verit sovetskaya molodezh'?" *Novyy zhurnal* 98 (1965): 140–145.
- Prudenko Yanina. *Kibernetika v gumanitarnykh naukakh i iskusstve v SSSR. Analiz bol'shikh baz dannykh i komp'yuternoe tvorchestvo*. Moskva: Muzey sovremennogo iskusstva "Garazh", 2018.
- Rodionova Anna. "«U nas ne avtomaticheskaya stantsiya»: fil'try tekhnicheskogo voobrazheniya v poezii Genriha Sapgira i Igorya Holina". *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2022: 254–269.
- Samostienko (Suslova) Eugenia. "Vnutrennie interfeysy yazyka: pis'mo kak kognitivnaya tekhnologiya". *Novoe literaturnoe obozrenie* 167 (2021). <https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/167_nlo_1_2021/article/23153/> (12.06.23)

- Sandler Stephanie. "Creating the Canon of the Present". *Twentieth-Century Russian Poetry: Re-inventing the Canon*, ed. by Katharine Hodgson et al., 1st ed., Open Book Publishers, 2017: 393–424.
- Savitskiy Stanislav. *Andegraund. Istoriya i mify leningradskoy neofitsial'noy literatury*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002.
- Smolkin Viktoriya. *Svyato mesto pusto ne byvaet. Istoriya sovetskogo ateizma*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021.
- Valieva Yuliya "Что viditsya prekrasnym? Zvezdnyy svod?.." *Novoe literaturnoe obozrenie* 124 (2013). <<https://magazines.gorky.media/nlo/2013/6/chto-viditsya-prekrasnym-zvyozdnyj-svod.html>> (12.06.23)
- Yurchak Aleksey. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.
- Zhitenev Aleksandr. "Mihail Eremin: Poetika slovary". *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2012.

Ана Родионова

„ФОТОЛУГ, ФОТОЛЕС, ФОТОЛЕТО“
ТЕХНО-ЕКОЛОШКЕ МИНИЈАТУРЕ МИХАИЛА ЈЕРЈОМИНА

Резиме

У чланку се анализирају песме Михаила Јерјомина, написане 60–70-их година XX века. Михаил Јерјомин — најутицајнији лењинградски нецензурирани песник, један од представника „филолошке школе“. Аутор разматра његове начине рада с техничким и природним мотивима, израженим преко коришћења научне терминологије, стварање специфичних реторичких фигура и неологизама. На основу ове анализе даје се закључак да су у Јерјоминовој поезији приметни трагови узајамног утицаја нецензуриране и званичне совјетске културе тог историјског периода (1960–1970-их година), који је био обележен многим социјалним и естетским помацима и за који је била важна званична идеологија „научно-техничког прогреса“. Осим тога, у чланку се говори какав значај текстови Јерјомина имају у погледу развоја савремене поезије и теорије.

Кључне речи: самиздат, нецензурирана књижевност, нецензурирана поезија, Михаил Јерјомин, филолошка школа, научно-технички прогрес, техничка уобразиља, екопоетика.